

*Эта книга посвящается
моей дочери Карен,
сыновьям Марку и Майклу,
а также их матери*

В основе книги — реальные исторические события.
Наверное, есть еще их живые свидетели
и участники. Поэтому считаю необходимым
подчеркнуть, что все герои романа
вымышлены автором. Разумеется, кроме людей
известных, которые названы в книге своими
именами, — Черчилля, Трумэна, Пирсона и других,
чья жизнь и деятельность связаны с этим
временем и этими событиями.

Книга первая
ЗА ИОРДАНОМ

Доколе Господь не даст покоя братьям вашим,
как вам, и доколе и они не получат во владение землю,
которую Господь, Бог ваш, дает им за Иорданом;
тогда возвратитесь каждый в свое владение,
которое я дал вам.

Втор. 3, 20

Глава 1

Ноябрь 1946

Добро пожаловать на Кипр.

В.Шекспир

Самолет затарахтел по разбитой посадочной полосе и остановился перед огромным щитом с надписью: «Добро пожаловать на Кипр».

Марк Паркер посмотрел в иллюминатор и увидел в отдалении, среди гор северного побережья, причудливые зазубрины хребта Пентадактилос. Примерно через час он будет на перевале по дороге в Кирению. Паркер поднялся, поправил галстук, опустил засученные рукава рубашки и надел пиджак. «Добро пожаловать на Кипр, добро пожаловать на Кипр...» — звучало у него в голове. Это же из «Отелло», подумал он, но не смог припомнить, что там дальше.

— Что-нибудь такое везете? — спросил таможенный инспектор.

— Два фунта героина-сырца и каталог порнографических картинок, — ответил Марк, ища глазами Китти.

Шутники эти американцы, подумал инспектор, пропускающая его. Подошла девушка — агент британской туристической компании.

— Мистер Паркер?

— Так точно.

— Звонила миссис Китти Фремонт, она извиняется, что не смогла вас встретить, и просила ехать прямо в Кирению. Она заказала для вас номер в отеле «Купол».

— Спасибо, мой ангел. А как здесь поймать такси в Кирению?

— Сейчас устрою, сэр. Буквально несколько минут.

— Здесь найдется чего-нибудь выпить?

— Конечно, сэр. Кафе в конце зала.

Прислонившись к стойке бара, Марк маленькими глотками прихлебывал обжигающий черный кофе. «Добро пожаловать на Кипр... добро пожаловать на Кипр» — хоть убей, не мог вспомнить, как там дальше.

— Вот так встреча! — загудел рядом голос. — Я еще в самолете подумал, что это вы. Марк Паркер, верно? Держу пари, вы меня не помните.

Нужное подчеркнуть, подумал Марк. Это было: в Риме, Париже, Лондоне, Мадриде; в баре Хозе, в трактире Джеймса, в кабачке Жака, в притоне Джо. В то время я писал о: войне, революции, военном перевороте. В ту ночь со мной была: блондинка, брюнетка, рыжеволосая, а то и двухголовая.

Неожиданный приятель между тем не умолкал:

— Помните, я заказал тогда мартини, а у них не оказалось вермута. Припоминаете?

Марк вздохнул и глотнул кофе в ожидании новой атаки.

— Я знаю, вам все это говорят, но я и в самом деле с удовольствием читаю ваши репортажи. Что подельваете на Кипре? — Он подмигнул и толкнул Марка в бок. — Держу пари, опять что-нибудь этакое... Почему бы нам не встретиться где-нибудь да не выпить? Я остановился в Никосии в «Паласе». — Он протянул визитную карточку. — И кое-какие связи у меня есть. — Он снова подмигнул.

— Простите, мистер Паркер. Машина ждет вас.

Марк поставил чашку на стойку.

— Мне было очень приятно, — буркнул он и двинулся к выходу. За дверью карточка полетела в урну.

Такси тронулось. Марк откинулся на спинку сиденья, на мгновение закрыл глаза. Хорошо, что Китти не смогла приехать в аэропорт. Столько прошло времени, столько надо сказать и столько вспомнить! При мысли о скорой встрече с ней его охватило волнение. Китти, красавица Китти!

...Кэтрин Фремонт — этакая «девчонка с нашего двора», в одном ряду с домашним яблочным пирогом, соси-

ской в булке, бруклинской кукурузной лепешкой — точная копия рекламного сорванца: торчащие косички, веснушки, скрепки на зубах. Но в один прекрасный день скрепки исчезли, появилась губная помада, округлился на груди свитер — гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя. Марк улыбнулся: какая же она была красивая тогда, какая свежая и чистая.

...И Том Фремонт, столь же незыблемая часть американской традиции. Стриженный «под ежик», с вечной мальчишеской улыбкой на губах, пробегающий стометровку за одиннадцать секунд, с тридцати футов забрасывающий мяч в баскетбольную корзину, способный с закрытыми глазами собрать автомобиль последней марки. С тех пор как Марк помнил себя, Том Фремонт был его самым близким другом.

...Том и Китти. Яблочный пирог и мороженое... горячие сосиски с горчицей. Типичный американский парень, типичная американская девушка, типичнейший Средний Запад, штат Индиана. Да, Том и Китти подходили друг другу, как дождь и весна.

Китти была очень серьезной, задумчивой девушкой, с какой-то тихой грустью во взоре. Наверное, только Марк принимал эту грусть всерьез — для остальных Китти оставалась воплощением оптимизма и надежности: твердо держала руль обеими руками, всем находила верные слова, всегда сохраняла рассудительность. И все же грусть никогда не покидала ее — Марк знал об этом.

Он часто спрашивал себя, почему его так влечет к Китти? Может быть, потому, что она кажется такой неприступной? Китти всегда была девушкой Тома, и ему оставалось только завидовать другу.

Когда Том и Марк учились в университете, они жили в одной комнате. Весь первый год Том страдал из-за разлуки с Китти. Марк помнил, как ему часами приходилось выслушивать горестные жалобы, успокаивать его. Потом настало лето, и Китти уехала в Висконсин. Она была еще школьницей, и родители хотели, чтобы разлука поумерила пыл

молодых людей. Том и Марк тем временем на попутных подались в Оклахому подработать на нефтепромыслах.

К началу нового учебного года Том основательно поостыл. Переписка с Китти становилась все реже, а его свидания с разными девицами в университетском городке — все чаще. Казалось, все кончено между новоиспеченным светским львом и ждавшей его дома девушкой. На последнем курсе Том уже почти не вспоминал о Китти. Лучший нападающий баскетбольной команды, он стал кумиром университета. Что же касается Марка, то он довольствовался тем, что купался в лучах славы друга. А сам приобрел славу бездарнейшего студента-журналиста за всю историю их alma mater.

Но вот поступила в университет Китти, и грянул гром!

За месяц до выпускных экзаменов Том и Китти решили пожениться. Прихватив с собой в качестве свидетелей брачной процедуры Марка и Эллен, они с четырьмя долларами и десятью центами на всех пересекли на старом «форде» границу штата и пустились искать мирового судью. Медовый месяц молодожены провели на заднем сиденье драндулета, который застревал в грязи проселочных дорог, а в дождь протекал, как сито. Многообещающее начало для образцовой американской четы.

Они держали свой брак в тайне еще год после того, как Том закончил университет. Тем временем Китти прошла курсы медсестер. Ходить за больными, думал Марк, — это как раз для Китти.

Том боготворил ее. Раньше он был необуздан, чересчур уж независим. Теперь все переменялось, и он все больше входил в роль образцового мужа. Начал с чуть ли не самой маленькой должности в крупной рекламной фирме. Поселились они в Чикаго. Китти работала сестрой в детской больнице. Они пробивали себе дорогу дюйм за дюймом, чисто по-американски. Сначала квартира, потом маленький домик, потом новый автомобиль, выплаты в рассрочку и большие надежды. Китти забеременела, и родилась Сандра...

Такси замедлило ход, въезжая в предместья Никосии — столицы Кипра, что раскинулась на коричневой равнине между северной и южной горными цепями.

— Говорите по-английски? — спросил Марк шофера.

— Да, сэр.

— Там, в аэропорту, надпись: «Добро пожаловать на Кипр». А как полностью — как там дальше?

— По-моему, никак. Это просто для туристов.

Въехали в город. Ровная местность, желтые каменные дома под красной черепицей, море финиковых пальм — все это напомнило ему Дамаск. Шоссе тянулось вдоль древней венецианской стены, очерчивающей старый город идеальной окружностью. На фоне неба Марк разглядел минареты-близнецы в турецком квартале города. Эти минареты были пристроены к Святой Софии — превращенному в мечеть величественному собору времен крестовых походов. Проезжая вдоль крепостной стены, они миновали укрепления, увенчанные сооружениями, напоминающими гигантские наконечники стрел. Марк уже бывал на Кипре и помнил, что этих торчащих на стене стрел было одиннадцать... Странное число. Он хотел было спросить у шофера, почему именно одиннадцать, но промолчал.

Через несколько минут Никосия осталась позади. Они продолжали путь по равнине на север, минув одну за другой похожие друг на друга деревни с серыми глинобитными домиками. В каждой высилась водонапорная башня с надписью: построена милостью Его Величества короля Великобритании. На бесцветных полях крестьяне убирали картофель, погоняя мулов великолепной местной породы.

Такси набрало скорость, и Марк опять погрузился в воспоминания.

...Марк и Эллен поженились вскоре после Тома и Китти. Брак с первого же дня стал мучением. Два хороших человека, не созданных друг для друга. Они не расходились только благодаря спокойной, мягкой мудрости Китти. Оба приходили к ней по очереди излить душу. И Китти уму-

дрялась поддерживать их союз даже тогда, когда никакой надежды на его спасение не оставалось. Потом он все же рухнул окончательно, и они разошлись. Марк благодарил судьбу, что у них не было детей.

После развода он перебрался в восточные штаты и, не задерживаясь подолгу ни на одной работе, превратился из бездарнейшего на свете студента в бездарнейшего на свете газетчика. Марк стал одним из тех летунов, которые часто встречаются в газетном мире. Это была не тупость, не отсутствие таланта, а всего лишь полнейшая неспособность найти свое место в жизни; Марк был творческой натурой — рутинная работа глушила его творческие силы. Тем не менее у него не появилось желания попытаться счастья на писательском поприще. Марк знал, что не осилит этой каторги. Так он и прозябал в подвешенном состоянии — что называется, ни рыба ни мясо.

Каждую неделю он получал письма от Тома — о продвижении по службе, о любви к Китти и Сандре.

Приходили письма и от Китти, трезвые комментарии к восторженным строкам Тома. Китти держала Марка в курсе дел его бывшей жены, пока Эллен вновь не вышла замуж.

В 1938 году мир внезапно раскрылся перед Марком Паркером. В АСН, Американском синдикате новостей, оказалась вакантная должность в Берлине, и он из газетчика-неудачника вмиг преобразился в уважаемого международного журналиста.

На новой работе Марк обнаружил недюжинные способности. Он нашел стиль, свойственный ему одному, Марку Паркеру, и никому больше. Марк не стал звездой прессы, но у него открылся безошибочный инстинкт, отличающий истинного газетного волка: он чутьем угадывал будущую сенсацию, когда она еще только назревала.

Мир представлялся ему сущим балаганом. Марк изъездил вдоль и поперек Европу, Азию и Африку. У него было имя, он любил свое дело, пользовался кредитом в баре Хозе, в трактире Джеймса, в кабаках Джо и Жака, и у него был

неисчерпаемый запас блондинок, брюнеток и рыжих для пополнения придуманного им клуба «красotka месяца».

Когда началась война, Марк носился по всему свету как угорелый. Было приятно изредка возвращаться в Лондон, где его обычно ждала стопка писем от Тома и Китти.

В начале 1942 года Том Фремонт пошел добровольцем в морскую пехоту. Он погиб в Гвадалканале. Через два месяца Сандра умерла от полиомиелита.

Марк взял внеочередной отпуск, чтобы съездить в Штаты, но, пока добирался, Китти Фремонт куда-то уехала. Он безуспешно искал ее, пока не пришлось вернуться в Европу. Она словно исчезла с лица земли. Грусть, которую Марк всегда ловил в глазах Китти, теперь казалась ему сбывшимся пророчеством.

Сразу после войны он опять вернулся в Америку, чтобы начать новые поиски, но след Китти давно простыл.

В ноябре 1945 года АСН командировал его в Европу писать о Нюрнбергском процессе. К этому времени Марк стал уже общепризнанным авторитетом в международной журналистике. Из Нюрнберга он прислал серию блестящих статей и оставался там, пока нацистских главарей не вздернули. Перед тем как отправить его в Палестину, где, по всем приметам, назревал военный конфликт, АСН предоставил Марку отпуск, в котором тот и в самом деле очень нуждался. Он решил провести отпуск, как подобает Марку Паркеру — со знакомой француженкой, работавшей в Афинах сотрудницей ООН.

И тут-то, как гром среди ясного неба, на него обрушилась новость. Марк сидел в американском баре в Афинах, коротая время с коллегами-газетчиками, как вдруг разговор зашел об американской сестре милосердия, которая творит чудеса в приюте для греческих сирот. Один из корреспондентов только что вернулся оттуда и собирался написать о том приюте.

Этой сестрой милосердия была Китти Фремонт.

Марк тут же послал запрос и узнал, что она в отпуске на Кипре...